СЕРГЕЙ БОРИСОВ

НЕВЫСКАЗАННОЕ «ЖЕЛАНИЕ РОДИНЫ»

(рецензия на книгу И. Сандомирской «Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик»)

Всегда сложно говорить о Родине и подходя к чтению «Книги о Родине» И. Сандомирской, невольно ожидаешь приоткрытия тайны собственного безмолвствия, отсутствия слов.

При этом отдавая себе отчет, что автор должен преодолеть свое затруднение, и инструментом для этого избран дискурс-анализ, что явствует из названия («Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик»). Это означает выход за пределы «дискурсивной машины», а точнее ее деконструкция, на помощь же призывается диахрония, темпоральный разрыв персонифицированный «культурной археологией».

Уже в предисловии и далее во введении, озаглавленном «Идеологическая конструкция как идиома культуры», отмечается сущностная особенность дискурса о Родине, в противоположность другим, предназначенным для коммуникации\обмена, «язык Родины» замкнут на себя, это своеобразная «инструкция для внутреннего пользования», странный язык, противоречащий своей сути: «Язык Родины ничего не коммуницирует, а лишь выражает сам себя, являя нам Родину, но не аргументируя ее необходимость».

Это некая данность, как указывает автор, которая определяется характеристикой «непереводимость», непереводимость есть первая отличительная черта дискурса о Родине.

И, тем не менее, такая беспрецедентная в мире дискурсов замкнутость не мешает проследить ряд заимствований, или, используя «машинный» язык сценарий сборки отечественной «дискурсивной машины»: «например, в русской фразеологии Родины имеется много заимствований из патриотической риторики наполеоновской Франции и еще больше – из дискурса немецкого национального романтизма». То есть, у нас возникает надежда, что непроницаемость не столь тотальна и возможно, ряд универсальных «деталей» дискурса кочуют. Автор утверждает обратное: «… это не делает русский патриотизм более понятным для члена современной европейской культуры, не способствует прозрачности политического языка, когда Россия выступает от лица своего коллективного патриотического «мы» на международной арене». Тезис о непроницаемости незыблем и покоится на следующем положении: «Своей амбивалентностью – «подвешенным» состоянием между властью и сопротивлением - русский дискурс о Родине отличается и от культур, чья новая и новейшая история теснейшим образом связана с русскими дискурсивными практиками, например, от соответствующего польского дискурса». Оказывается дискурс о Родине есть некий уникальный «код», возникший как следствие совершенно неповторимой конфигурации истории, а точнее соотношения «противоборствующих идеологический дискурсов». Борьба власти и сопротивления ей рождает уникальность отечественного «Языка Родины». Но

только ли истории России свойственна борьба идеологий, не является ли язык всеобщим полем борьбы за власть?

На наш взгляд о том же, то есть о наличии не только уникального, но и универсального, о так называемой «переводимости» дискурса о Родине говорит и динамика этого дискурса, на которую указывает автор: «Несмотря на то, что нынешние носители русского языка и русской культуры унаследовали и присвоили риторики и идеологии Родины главным образом в их советской официально-политической редакции, этот дискурс пережил развал советской символической вселенной, и Родина вошла в новую постсоветскую эпоху на правах центральной идеологемы».

Его приспособляемость к различным конфигурациям и даже кардинальным изменениям господствующих идеологий не могут не указывать на менее жесткую зависимость от идеологии, на которой настаивает автор книги.

Далее «непереводимость» дополняется рядом других характеристик, среди которых избыточность, что сложно комментировать по причине отсутствия обоснования данного высказывания, а также сигнификативность и метафоричность: «Родина - это метафора, в которой осмысливаются и идеологизируются совершенно особенные отношения государственности (statehood) и гражданства (citizenship), это мета-троп, через оптику которого видится и конструируется коллективная идентичность и определяются границы как Своего, так и Иного. Таким образом, *непереводимость, сигнификативность* … и *метафоричность* - три отличительных признака этой конструкции».

Сигнификативность связывается со сложившимися отношениями власти (здесь самое время оговориться, что речь идет не о власти вообще, а об определенной власти, т.е. власти политической) и общества, автор говорит, по сути, о непроговариваемом или умалчиваемом идеологией, ее подоплеке и изнанке, и все это конструкт идентичности (механизм ее создания). Но не слишком ли просто видеть в дискурсе Родины лишь прагматику идентичности и кодирование архаики «Мы – Они»? Возможно, что тотальная идеологизация вместила только идентичность, но оставила много другого? Отсюда и непереводимость дискурса Родины.

Метафоричность заключается в дискурсивном бытовании Родины, что не вызывает сомнения поскольку мы говорим о дискурсивных практиках.

Под названием «Цитирование и работа деятеля культуры» кроется интересный довод в пользу идеологической природы объекта исследования: «…клишированность, стереотипность, высокая степень воспроизводимости есть способ бытования Родины в коллективном языковом сознании, особенность Родины как идеологической иконы». И это свойство, по словам автора, говорит о том, что Родина есть концепт, «вещь невидимая» и интертекстуальная. Концепт есть сумма того, что можно сказать, своего рода потенция, переходящая в акт. И он, концепт, неотделим от дискурса. Здесь становится понятно, что как дискурс, дискурс о Родине закрыт, непереводим, а как концепт открыт для копирования, то есть перевода на другой язык, приватизируем другими дискурсами.

Теперь пришло время обоснования главного (раздел «Belonging: культурно-языковое конструирование близости»), необходимости Родины. Зачем она нам

нужна, очевидно, по автору, это ощущение единства, родство, контакт. Но из этого не вытекает идеология. Родство и желание, как фундамент общности, приходят к идеологии таким путем: «Отношение телесной близости (родства) и любви теперь, по закону метафоры, переносятся на мир текстов - не любых, разумеется, но идеологически правильно отобранных, отцензурованных … Далее происходит метонимический перенос «родного» с дискурсов на инстанции, занимающиеся контролем дискурса. … на последнем этапе тропеического генезиса, классифицирующая власть языка создает не только культурно-историческое, но и политическое «родство» - идеологическую доктрину единства народа».

Получается схема, согласно которой, чувство непосредственного родства обобщается и берется на вооружение властью, составляя основу идеологии, что и есть дискурс Родины. Но тогда основой этого дискурса стоит считать не идеологию, не власть, тем более политическую, а ощущение, желание, или некую иную витальность. Идеология есть узурпатор «слова о Родине» и политическая власть клиширует непроговариваемость чувства Родины, стремясь присвоить значимый ресурс «фасцинации» коллективного тела.

В тезисном изложении своей исследовательской программы (в разделе «фразеология и критика языка») автор, ставя вопрос о пределах идеологической «дискурсивной машины», а также роли субъекта в ней, приходит к схожему выводу: «…если речь идет о политэкономии, то в чем же интерес и в чем прибыль субъекта говорения, который вкладывает себя в обмен, производимый машиной? Речь идет о Желании, т. е., по Лакану, - о Нехватке (la manque), о той фундаментальной недостаточности, неполноте бытия, той пустоте в бытии, которая составляет природу субъекта. Смысл как символический продукт, производимый машиной - в данном случае, смысл Родины как продукт говорения о Родине - заполняет … изначально зияющую рану, закрывает собой пустоту и протезирует Нехватку, как искусственный орган протезирует собой орган ампутированный…». Таким образом, стоит говорить о фундированности дискурса Родины скорее Желанием, в духе Делеза или Лакана, а не идеологией, которая сама есть производная дискурса, и именно в этом ключе следует интерпретировать «Нехватку», восполняемую субъектом. В природе желания, в не политической власти, кроется необходимость Родины, дискурс которой лишь используется политикой, клишированно, цитатно и всегда частично. Родина в прагматике идеологии всегда остается непереводимым.